

902.6(С 17)

А-87

МАТЕРИАЛЫ и ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES
D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1940 • LENINGRAD

902.6(С 17)
А-87

902.6
МЗУ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 1

MATÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS. № 1

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УРАЛА И ПРИКАМЬЯ

MONUMENTS ARCHÉOLOGIQUES
DE L'OURAL ET DU PAYS DE LA KAMA

Под редакцией
П. Н. ТРЕТЬЯКОВА

КНИЖ
~~ОБЕРЕНО~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1940 • LENINGRAD

7

БИБЛИОТЕКА
ИМС
Книг. № 847

5 - ОКТ 2011

Ответственный редактор

директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра

М. И. Артамонов

Редактор издательства А. Н. Бернштам

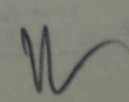
Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор О. Г. Крючевская.

Сдано в набор 29 января 1940 г. — Подписано к печати 3 сентября 1940 г.

168 стр. (81 рис. + 30 табл.).

Формат бум. 62×94 см. — 21 печ. л. — 21,26 уч.-авт. л. — 88064 тип. зн. в п. л. — Тираж 800
М 1480. — РИСО № 1046. — Заказ № 56. Бумага Вишерского бумкомбината.

Отпечатано в ФЗУ 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
Н. А. Прокошев (Ленинград). К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья	11
Д. Н. Эдинг (Москва). Новые находки на Горбуновском торфянике	41
К. В. Сальников (Челябинск). Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области	58
Г. В. Подгаецкий (Ленинград). Могильник эпохи бронзы близ г. Орска	69
А. В. Збруева (Москва). Галкинское городище	83
А. В. Збруева (Москва). Свиногорское городище	100
Н. А. Прокошев (Ленинград). Селище у дер. Турбино	111
К. В. Сальников (Челябинск). Сарматские курганы близ г. Орска	121
Л. А. Мазулевич (Ленинград). Византийский антик и Прикамье	139
М. В. Талицкий (Москва). Кочергинский могильник	159

TABLE DES MATIÈRES

	Pages
Préface	9
N. P r o k o š e v (Leningrad). Les stations du Néolithique supérieur de la région Kama-Ouralienne	40
D. E d i n g (Moscou). Nouvelles trouvailles dans la tourbière de Gorbounovo	57
K. S a l n i k o v (Tcheliabinsk). Le cimetière à tumulus d'Andronovo près du village de Fedorovka (région de Tcheliabinsk)	68
G. P o d g a e c k i j (Leningrad). Un cimetière de l'époque du bronze, près de la ville d'Orsk	82
A. Z b r u e v a (Moscou). Le gorodistché de Galkino	99
A. Z b r u e v a (Moscou). Le gorodistché de Swinye Gory	110
N. P r o k o š e v (Leningrad). Le sélistché de Turbjino	120
K. S a l n i k o v (Tcheliabinsk). Les tumulus sarmates des environs d'Orsk	138
L. M a t z o u l é v i t c h (Leningrad). L'antique byzantin et la région de la Kama	157
M. T a l i c k i j (Moscou). Le cimetière de Kočergino	168

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый год приносит все новые и новые доказательства исключительного богатства и разнообразия археологических памятников Урала и Прикамья. Что может сравниться, например, по полноте материала с замечательными торфяниковыми местонахождениями Зауралья, с их деревянной скульптурой и костяными изделиями? Много ли существует местностей, где так широко были бы представлены находки бронзовых изделий? Где еще имеются такие яркие и богатые жертвенные места? Где найдено, наконец, столько сасанидского серебра и богатой византийской посуды? Этот перечень можно было бы значительно увеличить, напомнив целый ряд других ярких находок, но и сказанного достаточно, чтобы проиллюстрировать обилие и многообразие памятников Прикамья и Приуралья, значение которых, как документов древнейшей истории, далеко выходит за пределы этой обширной области.

Систематическое изучение археологических памятников Прикамья и Приуралья началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда археология впервые в нашей стране начала ставить перед собой конкретные исторические задачи. До этого времени здесь были исследованы лишь единичные памятники, главным образом могильники, привлекавшие внимание археологов благодаря богатству и разнообразию своего инвентаря. Были раскопаны Ананьинский, Котловский и Зуевский могильники I тысячелетия до н. э., ряд могильников пьяноборского типа, относящихся к последним

столетиям до н. э. и первым векам н. э.; исследовано было также несколько могильников середины и конца I тысячелетия н. э., материал которых оставался неопубликованным и мало кому известным. Археологических исследований мест древних поселений в Прикамье и Приуралье

вовсе не производилось, если не считать «пробных» раскопок А. А. Спицына, Ф. Д. Нефедова и некоторых других местных археологов-любителей. Основная масса археологического материала, известного из Прикамья и Приуралья в дореволюционное время, представляла собой случайные находки, к которым по существу можно отнести и все то, что было найдено на таких памятниках, как Шигирский и Горбуновский торфяники или Гляденовское жертвенное костыще.

Археологические исследования в Прикамье и Приуралье особенно широко начали разворачиваться, начиная с 1924—1926 гг., в связи с работами Института антропологии и этнографии АН СССР, Гос. Исторического музея, Антропологического института МГУ и некоторых других учреждений, в том числе местных музеев и на-

учно-исследовательских институтов. В эти годы было положено начало систематическому исследованию уральских торфяниковых местонахождений, впервые были выявлены и изучены неолитические памятники на Каме в устье р. Чусовой, производились раскопки городища ананьинской эпохи и более позднего времени. Продолжалось также исследование могильников, главным образом поздних, относящихся к середине и концу I тысячелетия н. э.

Алексей Викторович Шмидт.
(Башкирская экспедиция 1928 г.)

В деле развешивания археологических исследований в Прикамье и Приуралье огромную роль сыграли работы покойного Алексея Викторовича Шмидта — неутомимого советского исследователя-археолога, пятнадцать лет изучавшего вопросы древней истории северо-востока Европейской части СССР. С 1921 г., когда состоялись первые полевые работы А. В. Шмидта в бассейне р. Инвы, притока Камы, и до 1932 г. им велись археологические исследования на Каме, Чусовой, Белой и в области бассейна этих рек. Цель, которую преследовал своими работами А. В. Шмидт, была совершенно ясна. Он стремился осветить ход конкретного исторического процесса в древнем Прикамье и Приуралье, на разных этапах и со всеми его локальными особенностями. Для этого А. В. Шмидт предпринял изучение ряда неолитических памятников, в частности им была раскопана Левшинская стоянка в устье р. Чусовой; он раскапывал Турбинский могильник эпохи бронзы и поселения ананьинского времени. На р. Белой во время работ Башкирской экспедиции АН СССР 1928 г. им было исследовано городище Кара-Абыз, позволившее наметить особый, белорецкий, вариант памятников ананьинского типа. Особое внимание уделял А. В. Шмидт памятникам I тысячелетия н. э., прекрасно понимая, какое значение имеют они в деле изучения истории народов северо-востока Европейской части СССР. Он изучал жертвенные места, «чудские» изображения, им были раскопаны могильники у дер. Качка, Неволинский могильник, известный Бахмутинский могильник и некоторые другие памятники. А. В. Шмидт впервые дал общую схему хронологии прикамских и уральских древностей. В 1933—1934 г. им было начато большое исследование, имевшее целью подытожить фактический материал и наметить основные контуры развития исторического процесса.

Эта работа была закончена лишь частично и далеко не в том объеме, как это предполагал первоначально сделать А. В. Шмидт. Это исследование — «Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества»¹ — несмотря на некоторую схематичность и недоработку ряда вопросов, несомненно совершенно правильно обрисовало основные этапы древнейшей истории Прикамья и Приуралья, вскрывающиеся на материалах неолита, эпохи бронзы и ананьинского времени.

С 1932 г. в среднем Прикамье, в связи с работами по проектированию камских гидроэлектростанций, начала свою деятельность Камская археологическая экспедиция Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, в первый год работ возглавляемая А. В. Шмидтом, а с 1933 г. проходившая под руководством Н. А. Прокошева. В течение семи лет, с 1932 по 1937 г., Камской экспедицией были обследованы на большом протяжении берега рек Камы

и Чусовой, выявлены десятки новых памятников и в ряде пунктов произведены большие раскопки. Прежде всего следует отметить работы Камской экспедиции по исследованию ряда позднеолитических стоянок в районе устья р. Чусовой, давшие между прочим ярчайший материал по остаткам жилищных комплексов. Далее были произведены исчерпывающие раскопки Турбинского могильника. Впервые в большом числе подверглись раскопкам городища и селища ананьинской эпохи и более позднего времени; исследованы некоторые памятники болгарской эпохи и т. д. и т. п. Словом, был получен огромный хорошо документированный материал, столетие за столетием отражавший древнюю историю среднего Прикамья. Параллельно деятельности Камской экспедиции за последние годы были предприняты археологические работы в южном Приуралье, продолжалось исследование зауральских торфяников, производились работы в Удмуртской АССР и в ряде других мест.

Изучение всего этого обширного археологического материала, представляющего собой солидный вклад в дело исследования древней истории СССР, в настоящее время только лишь начинается. Кое-что из результатов работ в Прикамье и Приуралье уже получило освещение в печати. Настоящий сборник также далеко не исчерпывает всех этих материалов; на его страницах освещаются лишь некоторые памятники из числа исследованных за последние годы.

Публикуемые ниже статьи представляют собой или отчеты о раскопках или работы монографического характера, посвященные отдельным памятникам. Здесь освещаются некоторые, и быть может не самые интересные, неолитические памятники среднего Прикамья, результаты последних раскопок на Горбуновском торфянике, публикуются материалы своеобразных андроновских курганов эпохи бронзы, исследованных около Челябинска, и погребений эпохи бронзы, открытых около Орска. Наиболее полно представлены здесь результаты исследования мест поселений I тысячелетия до н. э. — городищ и селищ ананьинской и гляденовской эпох в Прикамье. Эти памятники, почти неизвестные до настоящего времени, дали обширнейший материал, позволяющий совершенно по-новому осветить жизнь населения Прикамья в эту эпоху, известную пока что лишь по материалам могильников.

Значительно беднее представлены в сборнике материалы памятников I тысячелетия н. э. Здесь освещены результаты новых раскопок сарматских курганов в южном Приуралье и материалы небольших раскопок одного из могильников X—XI вв. н. э. Особый характер, несвойственный всем другим статьям сборника, имеет работа Л. А. Мацулевича «Византийский антик и Прикамье», представляющая собой чрезвычайно нужную для археологов и историков сводку и детальную интерпретацию всех византийских изде-

¹ Изв. ГАИМК, вып. 106, 1935.

лий, когда-либо найденных на северо-востоке Европейской части СССР. Следует, правда, сказать, что некоторые выводы автора являются дискуссионными.

Таким образом, не исчерпывая всех данных, полученных в последние годы в процессе археологических работ в Прикамье и Приуралье, настоящий сборник вводит в научный оборот археологический материал, охватывающий большой промежуток времени и происходящий из разных мест этой обширной области. Публикуемые в настоящем сборнике статьи: Н. А. Проко-

шева «К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья», его же «Селище у дер. Турбино», А. В. Збруевой «Галкинское городище» — являются непосредственным результатом части работ Камской археологической экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Вместе с последующими публикациями камских и уральских археологических памятников сборник послужит, несомненно, основой для разработки вопросов древней истории северо-востока Европейской части СССР.

PRÉFACE

(R é s u m é)

On signale la diversité et la richesse extraordinaires des monuments archéologiques de l'Oural et du pays de la Kama. Leur étude méthodique n'a commencé qu'après la grande révolution d'Octobre; jusque là, seuls quelques cimetières avaient été explorés. Les recherches de feu A. Schmidt, qui durant quinze années a poursuivi l'étude de l'histoire ancienne du nord-est de l'Europe, ont joué un rôle énorme dans le développement de nos connaissances sur les monuments de l'Oural et de la Kama. En 1932 fut organisée la mission archéologique de la Kama qui au cours de six années de travaux a étudié des dizaines de monuments variés à l'embouchure de la Čusovaja.

Le présent recueil comprend soit des comptes rendus de fouilles, soit des monographies consacrées à des monuments particuliers. Ce n'est là qu'une partie des matériaux obtenus dans ces dernières années, à savoir quelques documents sur le Néolithique, l'époque du bronze et les localités de l'époque d'Ananino. Une place plus restreinte est accordée ici aux monuments du 1er millénaire de notre ère qui ne sont représentés que par des tumulus sarmates et un cimetière du Xe siècle. Les recherches de L. Matzulevič aboutissant à un aperçu général des trouvailles d'objets byzantins dans le nord-est de la partie européenne de l'URSS occupent une place à part dans le recueil.

Н. А. ПРОКОШЕВ

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ КАМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

1

На территории Прикамья до настоящего времени обнаружено лишь одно палеолитическое местонахождение, и вопрос о древнейшем населении этой области остается пока неясным. Вряд ли стоит, однако, повторять мнение некоторых исследователей, предполагавших, что северо-восток Европейской части СССР был заселен человеком лишь по прошествии длительного времени после отступления ледника. Эта мысль является устаревшей, и хотя палеолитические памятники пока что не открыты на всем огромном пространстве от Мурома до Молотова, целый ряд данных заставляет думать, что они здесь будут найдены. Наиболее существенным аргументом, говорящим за это предположение, являются данные четвертичной геологии и палеонтологии. Есть основание полагать, что значительная часть Прикамья и Приуралья была свободна от льдов большую часть ледниковой эпохи. Все местные музеи Урала и Прикамья имеют обширные коллекции костей четвертичных животных: мамонта, носорога и др. В местной краеведческой литературе есть указания на находки целых скоплений костей этих животных. Все это говорит о необходимости развертывания работ по отысканию палеолитических памятников в Приуралье. Открытие здесь стоянок четвертичного человека, современника мамонта и носорога, заполняет громадную территориальную лакуну, существующую сейчас между сибирским и восточноевропейским палеолитом.

Памятники неолитического возраста, известные в Прикамье уже давно, систематически стали исследоваться лишь в самые последние годы. Предлагаемая ниже сводка охватывает лишь некоторые из них, а именно те, которые, как кажется автору настоящей статьи, представляют собой более древнюю группу памятников. Часть из них была известна ранее и уже получила некоторое освещение в литературе, другая, большая часть, стала известна лишь за последние годы, после семилетних работ Камской археологической экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, ныне Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Этими работами был открыт

целый ряд памятников неолитического возраста в районе устья р. Чусовой (рис. 1).

Территория, обычно называемая «уральским Прикамьем» или «камским Приуральем», является значительной частью Камского бассейна. Это — верхнее и начало среднего течения Камы, которая на этом пространстве имеет ряд крупных притоков: реки Чусовую, Косьву, Обву, Иньву и др. Часть из них также имеет громадное протяжение и широкий бассейн. Чусовая, например, при длине течения в 777 км имеет такие крупные судоходные в нижней части притоки, как р. Сылва.

Неолитические памятники, в виде пока что случайных, единичных находок каменных орудий, известны на всей этой огромной территории. Памятники, изученные путем раскопок, имеются лишь в районе устья р. Чусовой, т. е. в Молотовской области.

В дальнейшем, несомненно, будет возможно уточнить сведения о находках по р. Иньве и ее притоку — Велве, о находках единичных предметов неолитического времени в устье р. Яйвы у с. Орла, у дер. Кычановой ниже Молотова и т. д. В настоящее время этим случайным материалом трудно пользоваться в качестве источника для решения интересующих нас сейчас вопросов.

Последние геоморфологические данные, полученные в результате исследований экспедиции Академии Наук СССР, работавшей на Каме в 1933 г., позволяют разделить долину р. Камы в среднем и верхнем ее течении на 3 части, различные по своим геоморфологическим особенностям.¹

1. Южная часть от устья р. Чусовой до с. Слудки характеризуется узкой речной долиной. Коренные берега тянутся здесь у самой реки. Первая пойменная терраса встречается узкими полосами на всех мысах, за нею сразу идет четвертая терраса. На отрезке с. Добрянка — с. Хохловка эта четвертая терраса характерна развитием карста. Вторая и третья террасы встречаются редко.

¹ Сб. «Экспедиции АН СССР в 1933 г.» Долина р. Камы. Геоботанические работы Волжско-Камской комплексной экспедиции. Изд. АН СССР, Лгр., 1934, стр. 270—280.

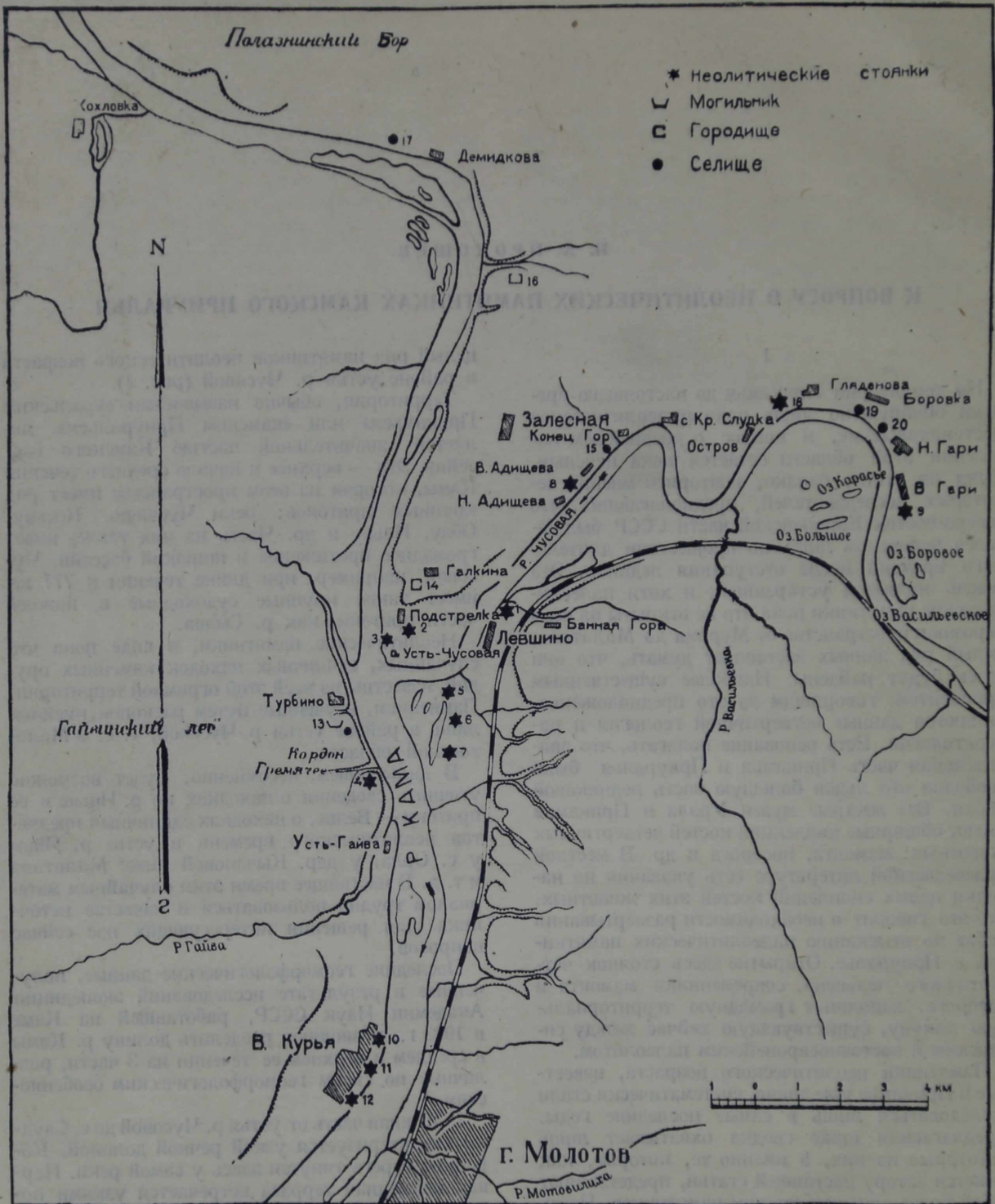

Рис. 1. Карта археологических памятников района устья р. Чусовой.

1 — Левшинская стоянка; 2 — стоянка на Гладком; 3 — стоянка у д. Усть-Чусовой; 4 — стоянка у Гремячего Ручья; 5 — стоянка и селище у сев. конца оз. Грязного; 6 — стоянка и селища у хут. Астраханцева, на оз. Грязном; 7 — стоянка и селища у Rp 154 и у южного конца оз. Грязного; 8 — Н. Адичевская донная стоянка; 9 — стоянка у д. В. Гари; 10—12 — неолитические стоянки у пос. Верхней Курьи; 13 — Турбинский могильник и селище на Шустовой горе; 14 — Галкинское городище; 15 — Конецгорское селище; 16 — городище Чумкосна; 17 — селище у д. Демидковой; 18 — верхнепалеолитическая стоянка у дд. Остров—Гладенова; 19—20 — Апаньинские селища у дд. Боровка—Гари.

М. В. ТАЛИЦКИЙ

КОЧЕРГИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Около дер. Кочергино или Дуброво, Советского района Кировской области на р. Немде, на восток от деревни, по так называемой «Сосенной дороге» находится древний могильник. Еще на памяти стариков здесь были остатки соснового леса, в настоящее же время здесь пашня, поверхность которой сильно разрушается овражками, возникающими благодаря некоторой покатости местности по направлению к реке. Находки

здесь были проведены небольшие раскопки для выяснения точного местонахождения могильника. На вскрытой площади найдены четыре погребения, и так как они представляли известный интерес, то в следующем 1930 г. раскопки были продолжены; они дали еще одно погребение. На приводимых планах и в описании для более удобного пользования материалом последний не расчленен по годам.

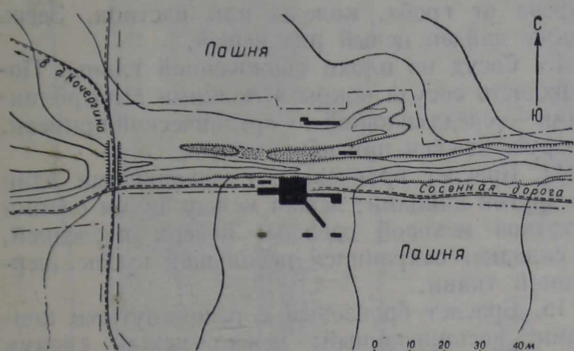

Рис. 1. План могильника у дер. Кочергино.

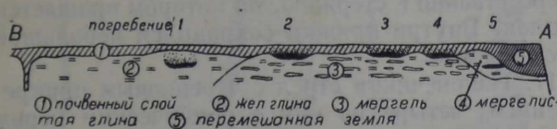

Рис. 2. Профиль раскопа на могильнике у дер. Кочергино.

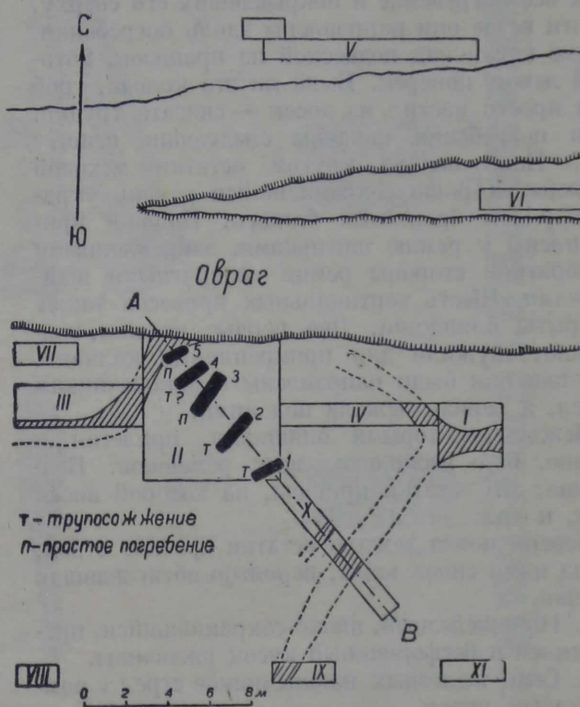

Рис. 3. План раскопа на могильнике у дер. Кочергино.

у дер. Кочергино впервые стали известны А. А. Спицыну, от которого нами были получены сведения о месте могильника.

Еще лет 30 назад крестьянином А. А. Ванчуговым и другими при починке дороги были найдены несколько бронзовых вещей и человеческие кости. Последние довольно часто и раньше находили в овраге. В 1928 г. сотрудниками Вятского отряда экспедиции Антропологического института было произведено рекогносцировочное обследование и приблизительно выяснены пункты находок вещей. В 1929 г.

Раскопка велась первоначально площадью, а затем в поисках погребений было проведено несколько метровых траншей и небольшие траншеи заложены в различных местах, вокруг первого раскопа. При вскрытии площади довольно ясно обрисовывались темные могильные пятна на фоне белого мергелистого выкида со дна могил (погребения 2, 3, 4). Эти пятна в дальнейшем окапывались канавками, а затем производилась расчистка погребения мелкими инструментами. Расчищенное погребение, предварительно сфотографированное и зарисованное, разбиралось и

упаковывалось. Жесткий мергелистый подпочвенный слой, как это видно на рис. 2, залегает на разной глубине. Копать в нем могилу было, вероятно, трудно и, повидимому, благодаря этому погребения №№ 2, 3 и 4 лежали на глубине всего лишь 20 см. Погребения 1 и 5 лежали в глине несколько глубже.

Погребение № 1 (табл. I). Трупосоожение. На сером фоне могильного пятна выступает окрашенный тлен одежды. Остатки последней хорошо сохранились около бронзовых вещей. Большие куски меховой одежды сохранились в области пояса, около браслетов и подвески из спиральных пронизок. Около пояса сохранился также большой кусок шерстяной грубой ткани, лежавшей над меховой одеждой, а над одной из бляшек пояса — небольшой кусок более тонкой ткани.

Над одеждой лежала груда обожженных костей, перемешанных с углями и золой.

Местами сохранились куски сосновых строганых топором досок (?), видимо, подстилавших все погребение и покрывавших его сверху. Почти везде они направлены вдоль погребения, кроме куска над подвеской из пронизок, который лежит поперек. Была ли это колода, гроб или просто настил из досок — сказать трудно. При погребении найдены следующие вещи.¹

1. Пояс обгибал кругом остатки меховой одежды. Хорошо сохранившийся ремень украшен рядом бронзовых бляшек. Бляшки прикреплены к ремню шпеньками, закрепленными с обратной стороны ремня квадратными шайбочками. Шесть вертикальных привесок также покрыты бляшками. Две первые из них, возможно, служили для прикрепления колчана, так как они были направлены к наконечникам стрел, а первая лежала под ними.

Между некоторыми бляшками, прилегая к ремню, шло несколько узких ремешков. Возможно, это остатки привязи, на которой висел нож, и др.

Поверх пояса лежали остатки древков стрел, а над ними снова кожа, вероятно обтягивавшая колчан.

2. Нож железный, плохо сохранившийся, превратился в бесформенный кусок ржавчины.

3. Семь железных наконечников стрел с ромбовидным пером.

4. Два железных наконечника стрел с листовидным пером. Как те, так и другие имеют черенковое прикрепление; на некоторых экземплярах видно, что наконечник был вставлен в расщеп древка и туго закручен тонкой бечевкой.

5. Около наконечников найден деревянный предмет неизвестного назначения; здесь же найден небольшой кусок дерева с двумя медными шпеньками, вероятно часть колчана.

6. Остатки бронзовой цепочки лежали под небольшим куском дерева.

¹ Нумерация в тексте соответствует нумерации в таблицах.

7. Конец какого-то деревянного предмета с расщепом.

8. Подвеска из шести ремешков, прикрепленных к двум рамочкам белой бронзы, с насаженными на них бронзовыми спиральными пронизками, колокольчиками и костяными фигурками животных. На голове костяной лошади тонкий линейный орнамент. Возможно, что следы бронзы, показанные на рисунке погребения, относятся также к этому предмету, являясь седьмым ремешком с пронизками. Украшение лежало между слоями остатков меховой одежды.

9, 10, 11. Три браслета бронзовые, с разомкнутыми концами, округло-восьмигранные в разрезе лежали между слоями остатков меховой одежды, отделенные один от другого слоем меха.

12. Браслет бронзовый, такой же формы, как предыдущие, лежал под грудой жженных костей; орнамент из круглых вдавлений, идущих в три ряда по трем наружным граням.

Погребение № 2 (табл. II). Заштрихованное пятно на рисунке представляет собой груды жженных костей с угольками и золой. Под некоторыми вещами и над ними сохранились куски дерева от гроба, колоды или настила. Здесь также найден целый ряд вещей.

13. Сосуд из плохо обожженной глины. Поверхность сосуда покрыта мелкими выщерблинками — следами какой-то органической примеси, разрушившейся при обжиге.

14. Браслет бронзовый, с заходящими один за другой концами; лежал между двумя слоями остатков меховой одежды; поверх последней, в складке, сохранился небольшой кусок шерстяной ткани.

15. Браслет бронзовый с разомкнутыми концами, восьмигранный; лежал между слоями остатков меховой одежды и шерстяной ткани, причем шерстяная ткань была сверху и снизу меха, а последний с двух сторон прилегал к браслету.

16. Пряжка бронзовая. Ремень прикреплен непосредственно к стержню, на котором вращается язычок. Внутри пряжки сохранился небольшой кусок ремня.

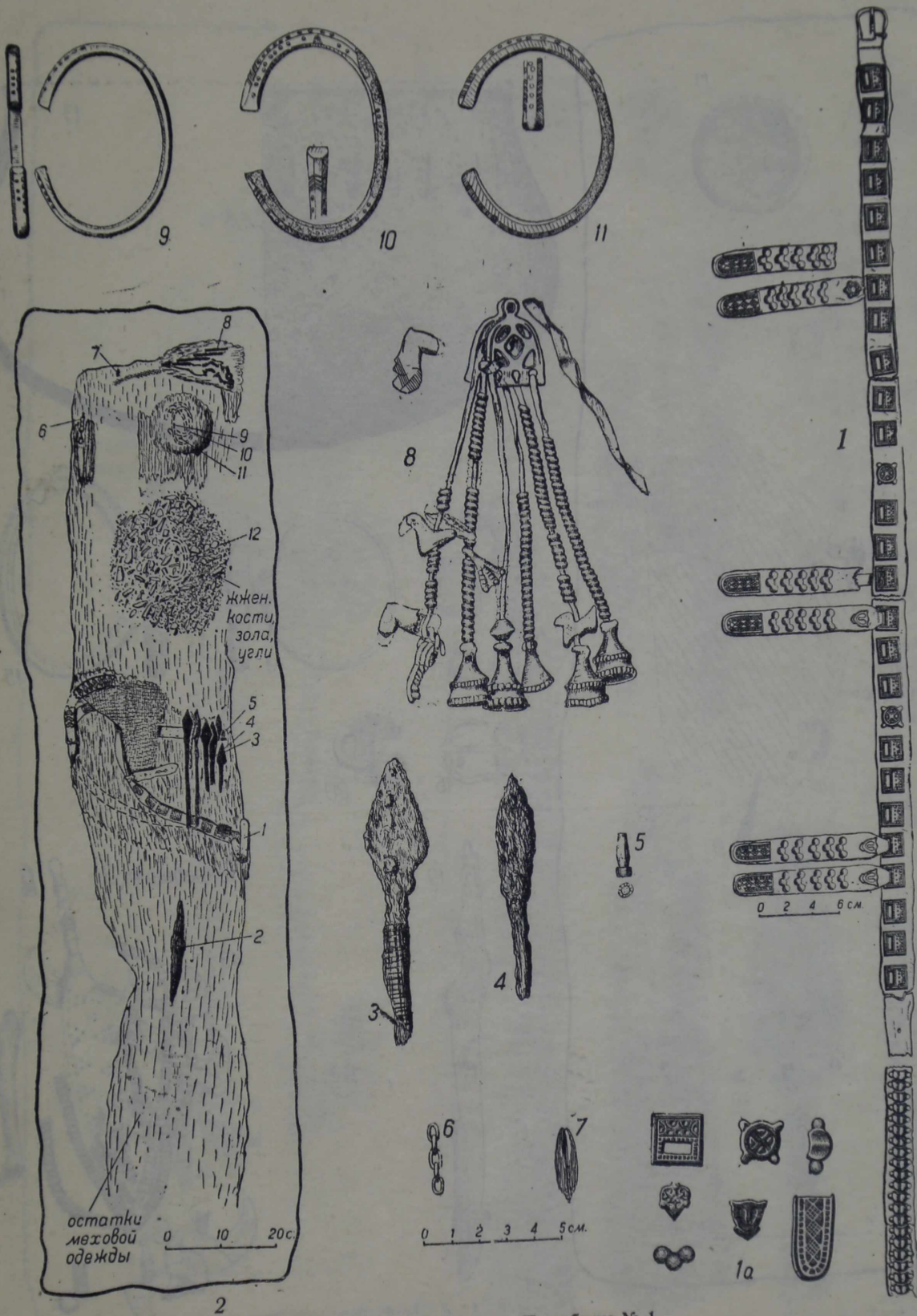
17. Наконечники стрел с черенковым прикреплением; четыре из них с ромбическим пером (табл. I, 3) и один с листовидным (табл. I, 4).

18. Огниво железное. Форма не совсем ясна из-за плохой сохранности. Около него лежали кремь и железное кольцо, разрушившееся при раскопках.

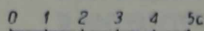
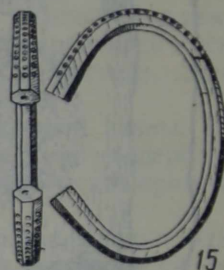
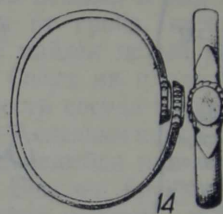
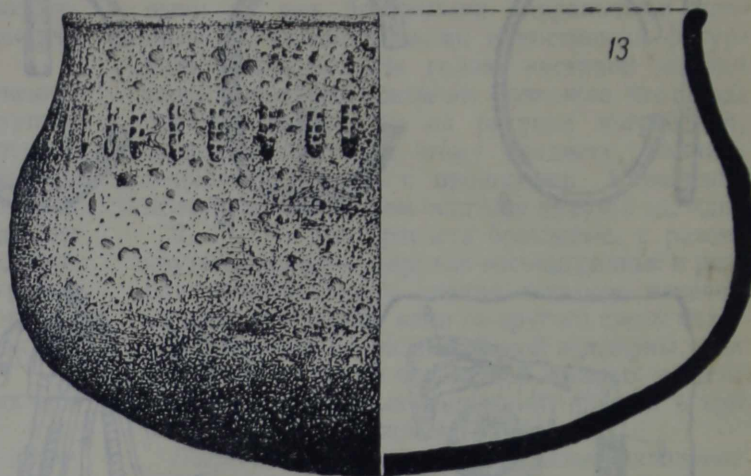
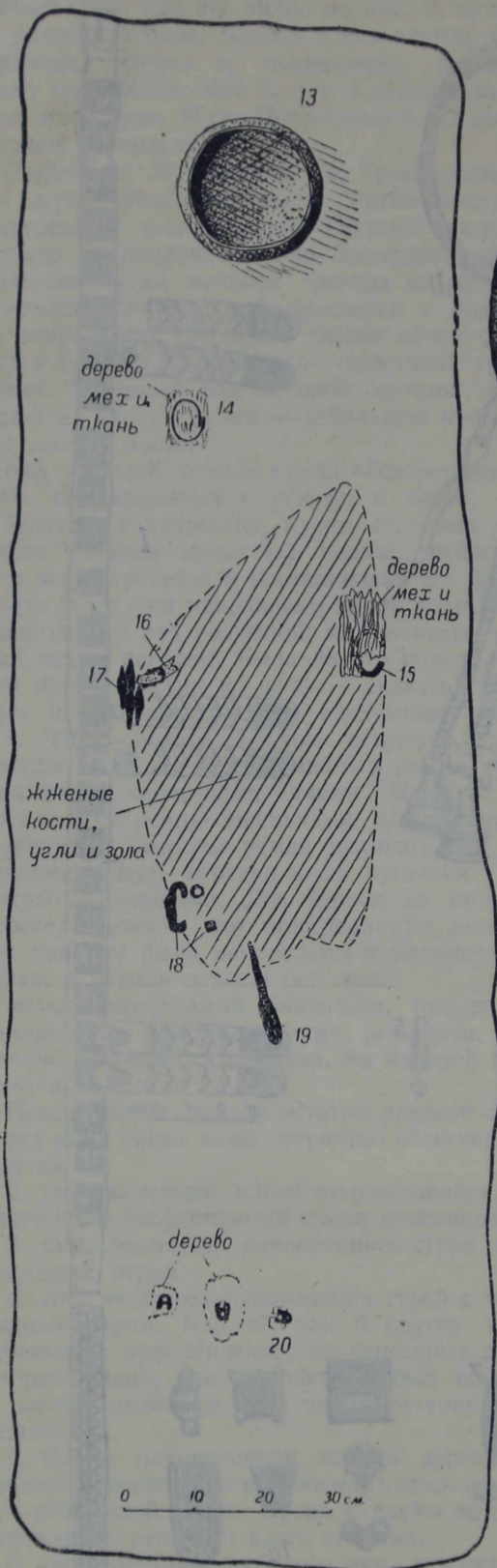
19. Нож железный. Частично сохранилась деревянная рукоятка.

20. Четыре бронзовые пряжки от обуви. Под крайней правой сохранился кусок кожи с ровно обрезанным краем. Две средних лежали одна над другой между остатками дерева.

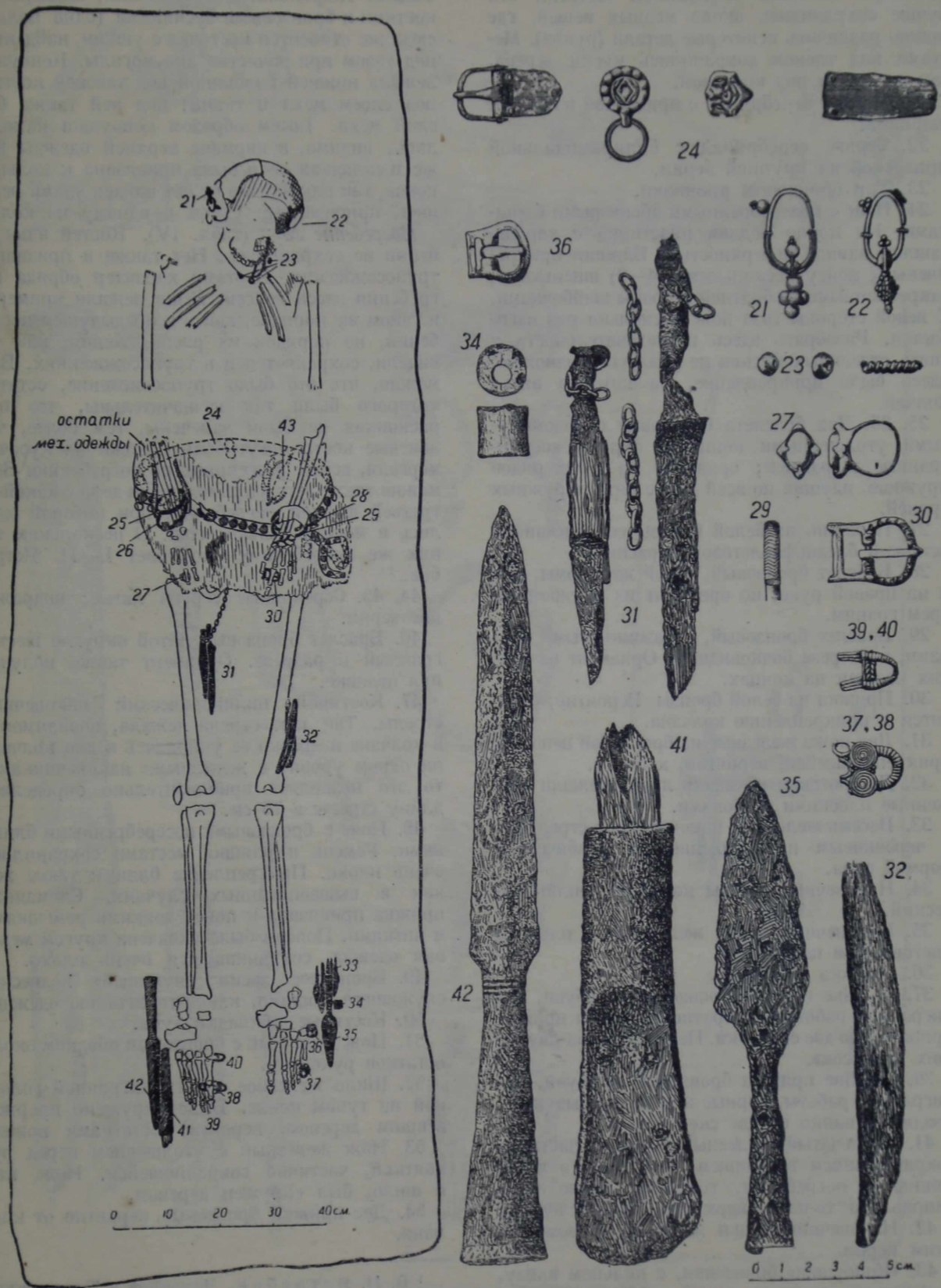
Погребение № 3 (табл. II—III). Трупоположение. Костяк мужчины 25—30 лет лежал на спине в вытянутом положении; кости довольно плохой сохранности. Весь костяк, кроме черепа и стоп, покрыт слоем тлена от меховой одежды, пре-

Кочергинский могильник. Погребение № 1.

Ючергинский могильник. Погребение № 2.

Кочергинский могильник, Погребение № 3

вратившейся в однородную рыхлую массу, пронизанную мелкими корешками. Остатки эти лучше сохранились около медных вещей, где можно различить некоторые детали (рукав). Местами над тленом сохранились куски дерева, так же как и под костяком.

21. Серьга серебряная с привеской из полых шариков.

22. Серьга серебряная с бипирамидальной привеской из крупной зерни.

23. Три бронзовых пронизки.

24. Пояс с посеребренными бронзовыми бляшками. На конце медная пластинка с хорошо зашлифованной поверхностью. Бляшки прикреплены к поясу несколькими (4—2) шпеньками, закрепленными с обратной стороны шайбочками. С левой стороны таза пояс несколько раз изгибается. Разобрать здесь последовательность и связь отдельных кусков не удалось. Возможно, здесь было прикрепление, на котором висел колчан.

25, 26. Два браслета бронзовые с разомкнутыми утолщенными концами, округло-восьмигранные в разрезе; орнамент из пяти рядов кружков, идущих по всей длине пяти наружных граней.

27. Перстень из белой бронзы со стеклянной вставкой бледнофиолетовой окраски.

28. Браслет бронзовый, такой же формы, как и на правой руке, но орнамент из кружков по трем граням.

29. Браслет бронзовый, с разомкнутыми концами, в разрезе бочковидный. Орнамент из тонких насечек на концах.

30. Пряжка из белой бронзы. Вероятно, относится к прикреплению колчана.

31. Два ножа железные на бронзовой цепочке, прикреплявшейся, вероятно, к поясу.

32. Две роговые обкладки лука. Лежали сложенные плоскими сторонами.

33. Восемь железных наконечников стрел; все с черновым прикреплением и ромбической формой пера.

34. Наконечник стрелы костяной, цилиндрический.

35. Наконечник копья железный, с плоским листовидным пером.

36. Пряжка бронзовая.

37, 38. Две пряжки бронзовые от обуви, филигранной работы. С обратной стороны пряжек припаяно по две скобочки. Переделаны из «шумящих привесок».

39, 40. Две пряжки бронзовые от обуви, филигранной работы, парные к двум предыдущим. Сзади припаяно по две скобочки.

41. Втульчатый железный топор с частично сохранившимся топорщице. Судя по его положению в погребении, топорщице могло быть направлено только вверх или было сломано.

42. Наконечник копья железный с ромбическим пером.

43. «Копоушка» бронзовая, с кольцом внизу, к которому привязан узкий ремешок, с нани-

занными на него в известном чередовании бронзовыми спиральными пронизками, медвежьими когтями и бронзовыми бусинками (одна полая); сюда же относится косточка с ушком, найденная под тазом при зачистке дна могилы. Копоушка лежала нижней половиной под тазовой костью, под слоем меха и ткани; под ней также был слой меха. Таким образом копоушка находилась, видимо, в кармане верхней одежды или же в складках ее и была привязана к кольцам пояса, так как близко от нее найден узкий ремешок, привязанный узлом к одному из колец.

Погребение № 4 (табл. IV). Костей в погребении не сохранилось. Нет также и признаков трупосожжения. Поэтому характер обряда погребения здесь неясен. Вещи лежали примерно в таком же порядке, как и в предыдущем погребении, но порядок их расположения, как мы видели, сохраняется и в трупосожжениях. Возможно, что это было трупосожжение, остатки которого были так незначительны, что при раскопках не были замечены, тем более, что жженные кости могут быть похожи на кусочки мергеля, всюду рассеянные по погребению. Возможно также, что здесь мы имеем дело с какой-то третьей формой погребения, при которой клались в могилу только вещи. О нескольких таких же погребениях упоминает В. Н. Ястребов.¹

44, 45. Серебряные серьги литые; подражания зерни.

46. Браслет бронзовый литой округло шестигранный в разрезе. Орнамент также получен при отливке.

47. Костяной цилиндрический наконечник стрелы. Так как стрела лежала, повидимому, в колчане и древко ее упиралось в дно колчана на одном уровне с железными наконечниками, то это позволяет приблизительно определить длину стрелы в 75 см.

48. Пояс с бронзовыми посеребренными бляшками. Ремень и бляшки местами сохранились очень плохо. Прикрепление бляшек такое же, как в вышеописанных случаях. Сломанная пряжка привязана к поясу тонкими ремешками и нитками. Поясом была охвачена кругом меховая одежда, сохранившаяся очень плохо.

49. Бронзовое звено «шумящей» подвески, служившее, видимо, какой-то деталью одежды.

50. Костяные обкладки лука.

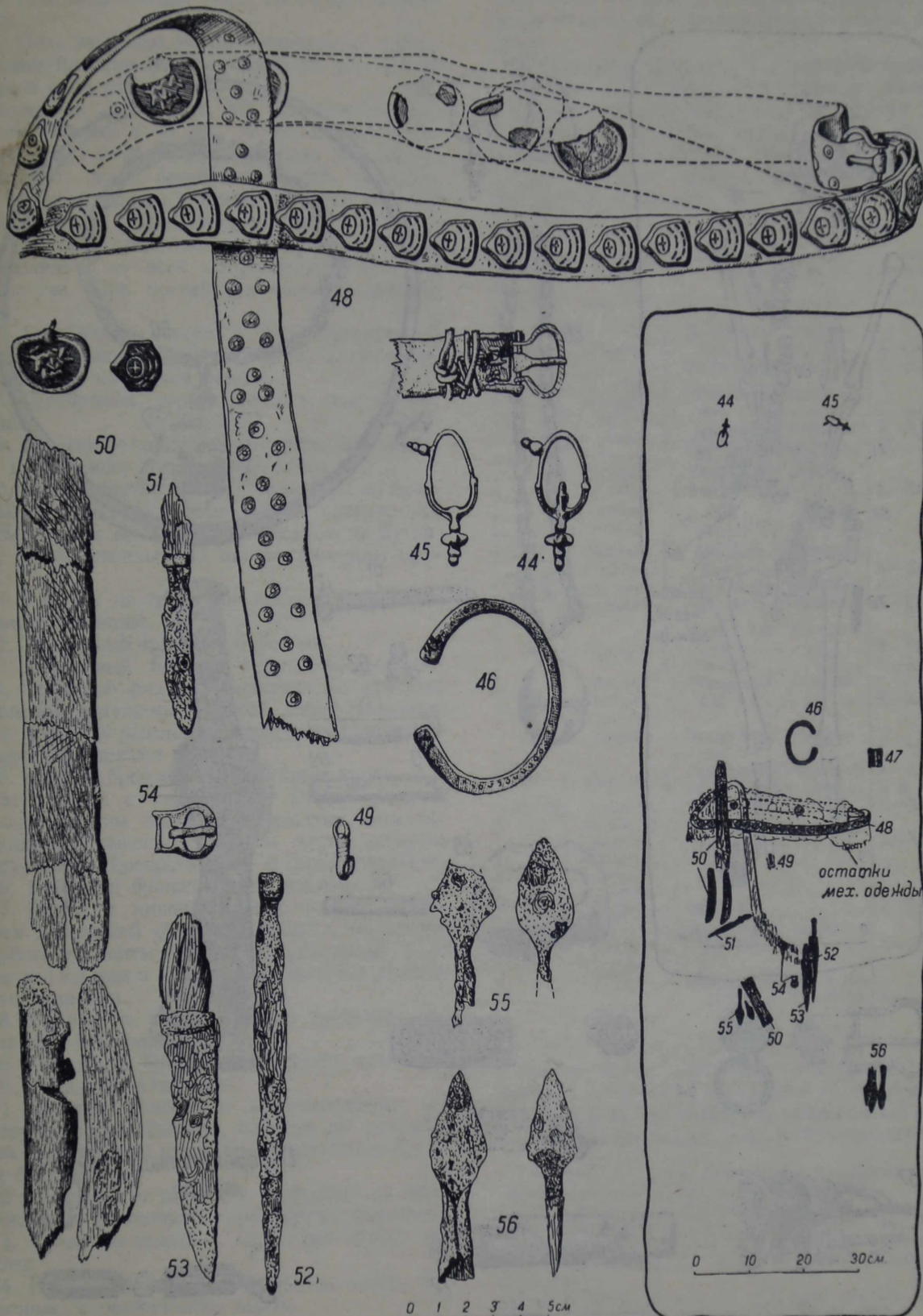
51. Нож железный с бронзовым ободком около остатов рукоятки.

52. Шило железное с четырехгранной головкой на тупом конце. Было окружено проржавевшим деревом, вероятно остатками ножен.

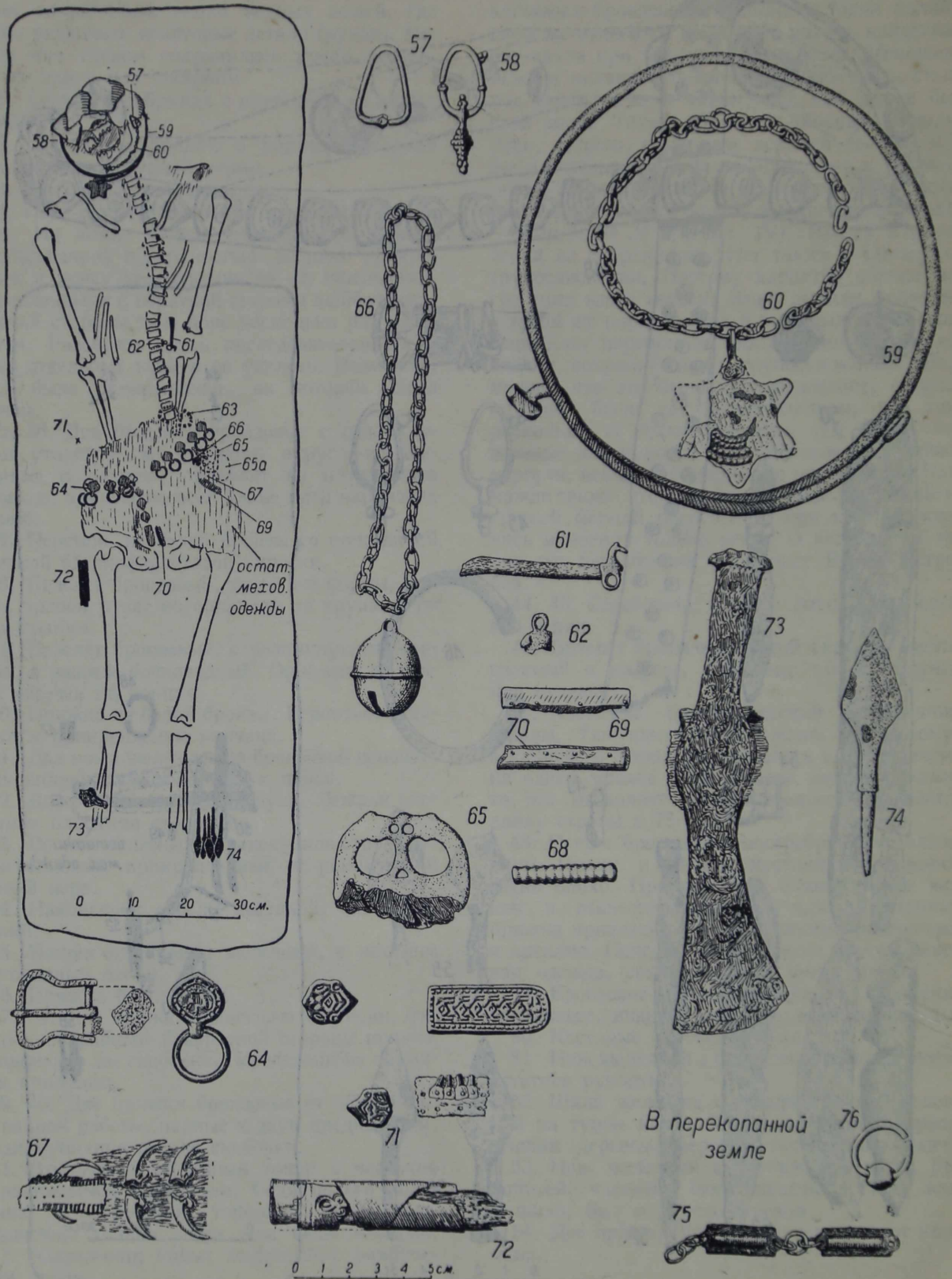
53. Нож железный с утолщением перед рукояткой, частично сохранившейся. Нож, как и шило, был окружен деревом.

54. Две пряжки бронзовые, вероятно от колчана.

¹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники. Матер. по археол. России, № 10.

Кочергинский могильник. Погребение № 4.

Кочергинский могильник. Погребение № 5.

55. Два наконечника стрел железные, втульчатые.

56. Пять железных наконечников стрел с ромбическим плоским пером; четыре из них черенковые и один втульчатый.

Погребение № 5 (табл. V). Труположение. Костяк ребенка 4—6 лет, лежал в вытянутом положении, с руками, подвернутыми под спину.

Местами, около бронзовых вещей, сохранились остатки одежды и дерева. Остатки меховой одежды лучше сохранились в области таза, но и здесь они представляли аморфную массу, пронизанную во всех направлениях мелкими корешками. При погребении были следующие вещи.

57. Серебряная серьга в виде треугольной дужки, разомкнутой в основании, с граненым утолщением на одном конце.

58. Серебряная серьга литая; подражание зерни.

59. Бронзовая гривна, ложно-витая на концах, так называемого «глазовского типа».

60. Звезда шестиконечная, бронзовая на бронзовой цепочке. В центре звезды сохранилась часть круга с выпуклым орнаментом из бугорков, расположенных по концентрическим кругам.

61. Свисток из трубчатой кости с бронзовым коньком на конце.

62. Бронзовый помятый бубенчик.

63. Бронзовый браслет округло-восьмигранный, с пятью рядами орнамента из круглых вдавлений, идущими по всей длине браслета.

64. Пояс, украшенный бронзовыми посеребренными бляшками.

65. Огниво бронзовое с железным краем.

65а. Рядом с огнивом на куске меховой одежды остатки каких-то небольших металлических пластиночек, большая часть которых разрушилась, превратившись в серый порошок.

66. Бубенчик бронзовый на цепочке.

67. Рядом с нижним краем огнива сохранился небольшой обрывок ремешка, по краям которого пришиты мелкие металлические пластинки. Под ним и рядом с ним попарно лежали когти хищника.

68. Бронзовая гофрированная трубочка; лежала под бубенчиком.

69. Пластинка бронзовая, согнутая вдвое.

70. Такая же пластинка.

71. Остатки пояса, с приклепанными по краям дужками. Видимо, на этом же ремешке были прикреплены шесть бронзовых посеребренных бляшек.

72. Рукоятка от ножа (?), состоящая из двух деревянных половинок, оправленных серебром.

73. Топор железный с остатками дерева по втулке.

74. Пять железных наконечников стрел, черенковых, с ромбическим пером.

Вещи, найденные в земле вне погребений.

75. Часть цепочки из железных фигурных

пластинок, в середине которых вставлены бронзовые спиральки. Промежуточные звенья бронзовые.

76. Колечко бронзовое с напускной бусиной.

Время могильника определяется многочисленными вещами, известными из других мест, которые для удобства сопоставления сведены в прилагаемую таблицу. Такого рода сопоставление не дает, правда, возможности точно датировать могильник.

№№ рис. в табл. 1—V	Название предмета	Памятник с аналогичными находками	Дата памятника
59	Гривна	Лядинский могильник ¹	X—XI вв.
73	Топор проушный с узким лезвием	Могильник Чем-Шай ²	X—XII вв.
1	Бляшка от пояса щито-видная	Лядинский могильник	X—XI вв.
		Гнездовские курганы ³	X—XI вв.
9—12 15 25—26 28—29 63	Браслет с разомкнутыми концами	Курганы Приладожья ⁴	IX—X вв.
		Городище Сабанчи-Кар ⁵	X—XII вв.
		Могильник Чем-Шай	X—XII вв.
54	Пряжка	Городище Донды-Кар	X—XII вв.
		Лядинский могильник	X—XI вв.
41	Втульчатый топор	Чем-Шай	X—XII вв.
		Лядинский могильник	X—XI вв.
36	Пряжка	Лядинский могильник	X—XI вв.
27	Перстень	Городище Донды-Кар	X—XII вв.
37, 38		Рябиновский клад	X в.
76	Серьга с напускной бусиной	Чем-Шай	X—XII вв.
		Лядинский могильник	X—XI вв.
1	Прямоугольная бляшка от пояса	Чем-Шай	X—XII вв.
22		Лядинский могильник	X—XI вв.
	Серьга с привеской	Близкие формы в могильнике Чем-Шай	X—XII вв.

Однотипность материала отдельных погребений не позволяет расчленить их во времени. В самом деле, мы видим ряд аналогичных вещей во всех погребениях или в большинстве их.

¹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники. Матер. по археол. России, № 10.

² С. Г. Матвеев. Могильник Чем-Шай. Труды Научн. общ. по изучению Вотского края, вып. IV, М., 1929.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. 1. Гнездовский могильник. Матер. по археол. России, № 28, СПб., 1902.

⁴ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, 1895.

⁵ С. Г. Матвеев. Городище Сабанчи-Кар. Труды Научн. общ. по изучению Вотского края, вып. IV, М., 1929.

Это браслеты с разомкнутыми концами, серьги, пояса. Разница во времени между погребениями вряд ли превышает полстолетия. Поэтому в таблице приводятся вещи из всех пяти погребений, и дата устанавливается сразу для всего могиль-

ника. Дата, как видим, охватывает довольно большой промежуток времени — от IX до XII в. Более точной, но менее убедительной датой, определяемой Рябиновским кладом, можно считать конец X — начало XI в.

M. TALICKIJ

LE CIMETIÈRE DE KOČERGINO

(Résumé)

Des fouilles ont été exécutées en 1929 et 1930 dans un ancien cimetière situé aux environs du village de Kočergino ou Dubrovo, sur la rivière Nemda (District Sovetskij de la région de Kirov). Elles ont mis au jour 5 sépultures. La sépulture №3 renfermait un squelette d'homme de 25—30 ans, la sépulture №5 un squelette d'enfant de 4—6 ans. Dans les sépultures №№ 1 et 2 on a constaté des traces d'incinération; dans la sépulture № 4 on

n'a pas trouvé d'ossements. L'uniformité de type du matériel fourni par les différentes sépultures ne permet pas de les subdiviser chronologiquement. Leur différence d'âge ne dépasse pas un demi-siècle. Le cimetière de Kočergino se rapporte à l'intervalle de temps compris entre le IX-e et le XII-e siècles. On peut indiquer comme date plus précise, mais moins certaine, la fin du X-e siècle ou le début du XI-e.

№ погребения	Вещи	Материал	№ инв.
1	Кольцо	Серебро	1
2	Кольцо	Серебро	2
3	Скелет человека	Человек	3
4	Скелет ребенка	Ребенок	4
5	Скелет ребенка	Ребенок	5

